

Мальчишки послевоенного поколения росли во дворе, без надзора, а большинство и без отцов. Двор воспитывал мальчишек. Двор – там все свои, в соседнем – чужие. С мальчишками соседнего двора мы враждовали, до драк стенка на стенку, правда, не доходило, но камнями друг в друга бросались. А вообще мальчишки других дворов нас боялись – наш двор был самый большой в округе, и мальчишек у нас набиралось много, человек двадцать, а в других дворах было меньше, 10–12 человек от силы. Поэтому наших мальчишек не трогали соседские, знали, что в случае чего мы все соберёмся – против нас они не потянут.

Наш двор составляли большой каменный дом и несколько деревянных домов по линии улицы, а ещё после войны с другой стороны двора пристроили двухэтажные кирпичные дома, их жильцы сами строили, материалы получали от завода. Во двор вели деревянные ворота, они были между каменным домом и деревянным, обычно они были открыты.

Во дворе стояли сараи для дров – голдорейки. Были они деревянные, почерневшие от времени, двухэтажные, с лестницей наверх и галерей на втором ярусе. И на обоих этажах – много–много дверей, за которыми хранились дрова, собственно сараи, каждый на две семьи.

Мы с мамой жили в каменном доме, квартира была у нас большая, на семь семей, и в каждой комнате топилась печь. На зиму мы с мамкой покупали дрова на складе, знали, что нам надо два куба. У них на складе был грузовик, они привозили дрова к дому. Дрова были – чурки берёзовые и осиновые, все хотели больше берёзовых – они давали больше тепла. Когда дрова привозили, их надо было распилить, расколоть и убрать в свой сарай на голдорейку. По дворам ходили мужики с электропилой, предлагали распилить дрова. Но для нас это было дорого, мы сами пилили. А после дрова надо было забросить на второй этаж голдорейки, где был наш сарай, и уложить в поленницу. Пока закинешь все дрова наверх – устанешь до смерти.

И как-то зимой мама стала замечать, что наша гора дров стала быстрее уменьшаться, чем обычно. Не иначе как соседка по сараю берёт из нашей кучи, – решила мама. Соседка наша по сараю – тётя Маня, у неё муж был, шофёр дядя Паля, так что жили они лучше нас. Мамка стала следить за дровами – точно пропадают. Один раз мама спросила у тёти Мани: что-то дрова мои быстро уходят, не ты их берёшь?

– Ничего я не беру, у меня свои дрова есть, – огрызнулась та.

Но мама снова замечает, что дрова из нашей кучи исчезают.

Она специально запоминала, какое полено где сверху лежит. Пожаловалась она как-то на работе: дрова исчезают, не знаю, что делать, соседка их берёт. А работала она на заводе, у неё в цеху были одни мужики. Они ей и говорят: так давай мы ей бомбочку сделаем, будет знать, как дрова воровать. Мужики начинили полено патроном от пулемета, велели положить в поленницу, только запомнить, куда, чтобы самой его не взять.

Мама положила «бомбу», запомнила место, стали ждать, что будет. Но «бомба» соседке не попадалась. И как-то дрова наши обрушились, и «бомба» потерялась в дровах. Теперь нам самим приходилось быть осторожными, рассматривать каждое полено, чтобы не взорвалось в печи.

И однажды у соседки нашей по сараю в печке как рванёт! Вот у них переполох был! Дверцу от печки у них оторвало, им потом приваривать её пришлось.

А тётка Манька встретила маму во дворе и набросилась на неё:

– Это ты мне бревно подсунула, что взорвалось!

Мама ей отвечает:

– А нечего чужие дрова брать. Это полено лежало на моей половине, а ты его у меня украла.

Той нечего больше было сказать.

Но потом она догадалась, что сама себя выдала, и стала жаловаться соседкам, что мама подсунула полено с патроном в её дрова, а врёт, что полено было в нашей куче. Мама очень расстраивалась, что та на неё клеветает.

Мужа тётки Маньки, шофёра дядю Палю, мальчишки во дворе боялись – он нам щелбаны давал, причём так больно, что закричишь от боли, и слёзы выступают

на глазах. Мы поэтому от него убегали, как увидим его, так сразу убегали, чтобы ему не попасться. Так он тихонько подкрадывался, если его не замечали, или из-за угла выскакивал и сразу с размаху давал кому-нибудь из нас по голове щелбан. Один только татарчонок Сашка не боялся его, голова у него была крепкая, пробить её ничем было невозможно. Однажды ему ядром на физкультуре попали нечаянно в голову – а он устоял. Только голову ему ядро разбило, кровь пошла. Так Сашка кровь увидел и в обморок упал. А дядя Паля Сашке тоже как-то дал щелбан. Ждёт, что Сашка заплачет. А тот – ничего, только спросил:

– Дяденька, ты чего?

Дядя Паля снова ему как даст щелбан. Только палец себе отбил, Сашке – опять ничего. С тех пор он с Сашкой больше не связывался. А за нами по-прежнему охотился.

А щелбаны он нам начал раздавать после того, как на него свалилась с двери кружка с водой. Мы с мальчишками привязали шутки ради кружку с водой на входную дверь, а дядя Паля рванул резко дверь на себя – кружка на него упала и облила.

После случая с взорвавшимся у них поленом он особенно хотел меня поймать на щелбан. Мне друг Петька рассказал, он сам слышал.

Я как раз шёл домой с картошкой – я всегда ходил в магазин за картошкой. Мне даже нравилось. Картошка хранилась в большом загоне из дерева, продавец сначала брал деньги за картошку, потом отвешивал её в загоне, покупатель подставлял сетку к отверстию внизу загона, продавец открывал с той стороны заслонку, и картошка высыпалась через отверстие

в сетку. А когда мне картошка высыпалась, у меня всегда срывалась сетка в конце, и несколько картошек падали в ящик, который стоял под отверстием. И я их подбирал из ящика, а заодно и пару картошек, которые там остались от других покупателей — некоторые не подбирали упавшие. А мне доставалось больше, чем полагалось. Это я сам придумал, просто так забирать картошки из ящика было нельзя, они доставались продавцу. Потом он понял, что я специально так делаю, чтобы больше картошки себе взять, стал следить за мной.

Я иду домой с сеткой картошки, а навстречу мне Петька бежит и кричит, чтобы я не ходил во двор, там дядя Паля, только что дал щелбан Сеньке, тот заплакал и домой побежал, а дядя Паля сказал, что вот бы меня поймать. Пришлось мне прятаться за углом дома напротив нашего и ждать, пока Петька разведает, ушёл ли дядька.

Дядя Паля в обед приезжал домой, заезжал во двор и ставил там грузовик. Мы с мальчишками знали, когда он придет и перед тем стали закрывать воро-

та. Он ругался, ему приходилось выходить из машины и открывать ворота. Мы радовались, убегали на голдорейку. Дядя Паля вскоре понял, что мальчишки над ним издеваются, кричал на нас, ругался матом. Однажды со злости схватил кирпич, кинул в нас на голдорейку, попал в столб, а за ним я прятался, ещё немного и попал бы мне в ногу.

Но мы ему отомстили: засунули ему картошку в выхлопную трубу. Он заводит машину, а она заводится и сразу глохнет. Он несколько раз попробовал, понял: что-то тут не так. Вышел из кабины, обошёл машину и увидел картофелину в выхлопной трубе. Ох, как он ругался!

А мы спрятались на крышу голдорейки, наблюдали за ним и хохотали. Он эту картофелину долго выковыривал из трубы отвёрткой, мы её глубоко засадили.

Он потом даже маме на меня пожаловался: пороть надо твоего, совсем от рук отбился. Мама ему ответила: своего и пори, а я со своим сама разберусь. Но мне она сказала, чтоб мы оставили его покое, а то поймают он меня как-нибудь, добром это не кончится.